

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН: «НА ТАГАНКЕ Я БЫЛ ГОТОВ ИГРАТЬ В МАССОВКЕ...»

ТЕАТРУ на Таганке исполнилось 40 лет. Народный артист России Валерий Золотухин, патриарх легендарной труппы, созданной режиссером-легендой Юрием Любимовым, рассказывает читателям «Смены», как для него начиналась Таганка.

«Корову выдумал, а костыли - нет»

- Валерий Сергеевич, в одной из своих повестей вы пишете о том, как, продав корову, отправились в Москву учиться на актера.

- Уточним: корову продал не я, а отец. И учтите: корову я придумал для красного словца. Это так называемый художественный вымысел. На самом деле и отец никакой коровы не продавал. Но разве это имеет значение?

- Как это?! Вы же собьете с толку будущих биографов!

- Как написано, так пусть и остается.

- Может быть, у вас и туберкулеза не было, из-за которого вы не ходили до 17 лет?

- А вот этого я не выдумывал. Разве что... Профессора, работавшие консультантами на картине «Каждый день доктора Калининской», выслушав мою историю болезни и сделав мне «техосмотр», пришли к выводу, что диагноз в 1948 году был поставлен не совсем точно. Но гипс, костыли до восьмого класса - все это было.

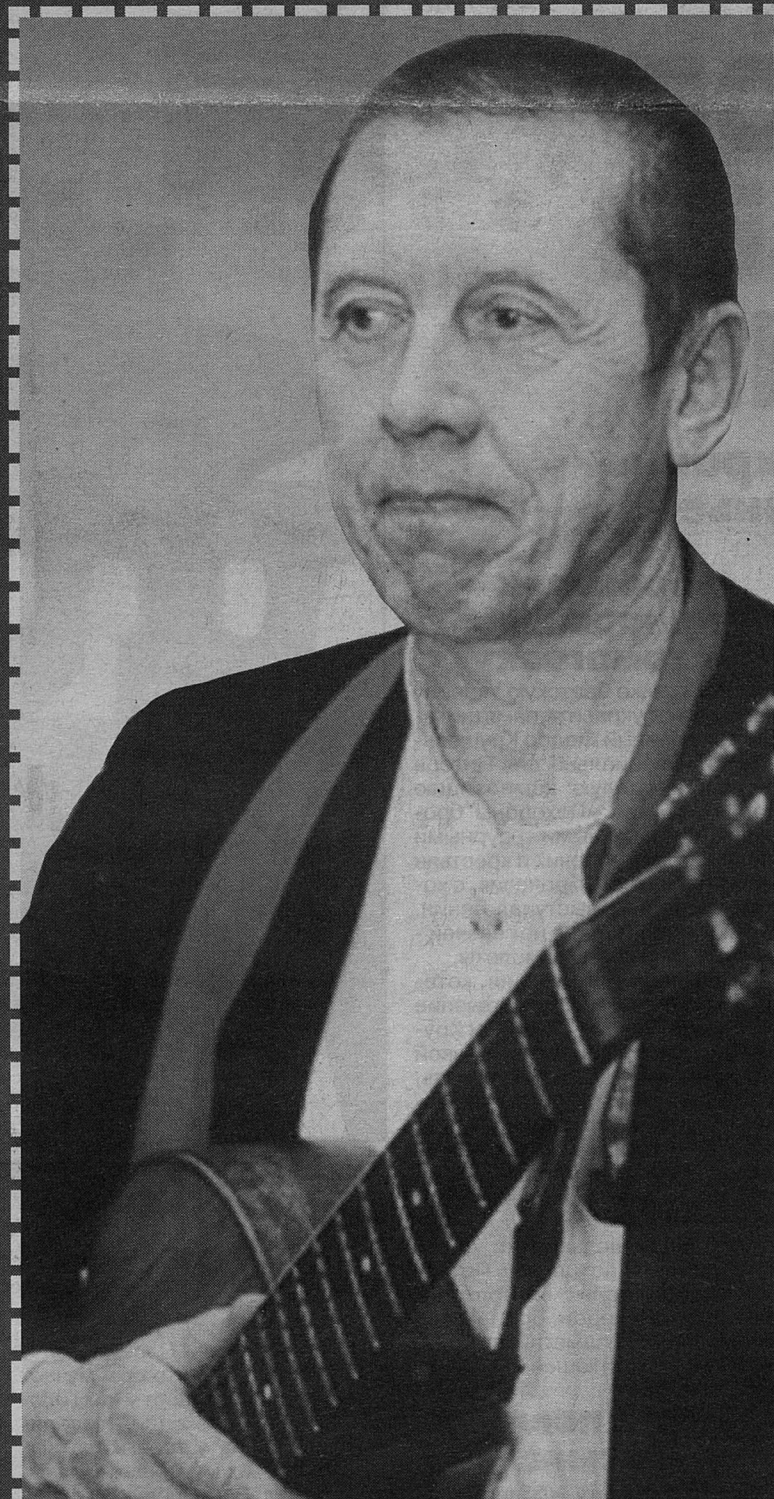
Чуть не стал Лемешевым

- Так почему же в ГИТИС вы поступали на отделение музыкальной комедии? В оперетте танцевать надо!

- Это произошло произвольно. К ГИТИСу я добрался поздней ночью. Переночевал на лавочке на улице. В 6 утра меня разбудил дворник. Институт еще, естественно, закрыт. Дворник посоветовал мне пойти позавтракать. Вхожу в кафе «Прага», а какой-то человек говорит: «Снимите плащ». Предложение мне показалось подозрительным, и я настороженно спросил: «Зачем?» Я еще не знал, что такое гардеробщик. Был я в заляпанном краской прорезиненном плаще. И в шароварах. Памятуя, что деньги в карманах шаровар, а не в плаще, я решил повиноваться. «Сядьте за столик», - последовала команда. «Зачем?!» Подошла официантка, предложила меню. Заказал, помню, блинчики с мясом и еще что-то. Набрал много чего. Приборами я, естественно, пользоваться не умел. Начал резать блинчик - фарш полетел куда-то в сторону. Тогда я забаррикадировался блюдами. Чтобы не видно было, как я ем. Это я рассказываю затем, чтобы вы поняли, что я из себя тогда представлял.

В ГИТИС пришел без чего-то десяти. Открытой оказалась только одна аудитория. Там консультировали абитуриентов, поступающих на отделение музыкальной комедии. На прослу-

Но при этом знаменитый артист смог выбить себе у Юрия Любимова самую большую зарплату

шивании я спел частушки и «Из-за острова на стрежень». Мой природный голос комиссию устроил. И я пять лет отучился на вокальном отделении. «Драматические артисты» нас презирали: «Оперетта - легкий жанр!» А мы презирали их! Потому что в перспективе каждый из нас был

эту тройку по зарплате, то чего-то стою.

- Губенко со Славиной не возмущались?

- Другие возмущались. Но объяснение было простое. Я старше, я пришел из другого театра, я уже год отработал, а они все - со студенческой скамьи!

как минимум Лемешевым! И уж на самый худой конец мы знали: будешь плохо петь - станешь драматическим артистом. Так у меня и получилось!

Первой почувствовала и предсказала мне это мой педагог Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф: «Ты не туда пришел!» Она работала в Театре Моссовета, куда меня и сманила.

Самое сильное потрясение в жизни

- Как вы попали на Таганку?

- В 64-м году я посмотрел спектакль «Добрый человек из Сезуана». Это было и осталось (!) самым сильным потрясением от театра в моей жизни. Ничего подобного ни до, ни после я не видел! До сих пор мурашки, когда вспоминаю тот спектакль. И мне так захотелось быть внутри этого необычного организма, еще только создаваемого Юрием Любимовым! Я пришел к Любимову и сказал: «Я готов сидеть в массовке! Но только этот театр, и больше никакой!» И, как видите, остался верен Театру на Таганке на всю оставшуюся жизнь!

«Сорвать спектакль? Сто рублей!..»

- И никогда не было никаких сомнений, что вы сделали правильный выбор?

- Я хотел работать на Таганке, но у меня был тыл. «Не понравлюсь Любимову, вернусь к Завадскому!» Но Любимов принял меня сразу. «Уходи из Моссовета!» - говорит. «Меня не отпускают. Я как молодой специалист должен 2 года отработать». - «А ты не приди на спектакль, тебя выгонят! А я возьму!» - «Хорошо, так и сделаю», - пообещал я. И поставил условие: «Но чтобы зарплата 100 рублей!» Любимов спрашивает у директора театра Дупака: «Николай Лукьянович, а сколько у нас получают Славина и Губенко?» - «По 75». - «А ты хочешь сто?» - поворачивается Юрий Петрович ко мне. «Да, хочу! Какая мне разница, кто сколько получает!» Из Театра Моссовета меня отпустили, я не стал срывать там спектакли и следовать совету Любимова. Но и он сделал по-другому. Всем нам троим положил зарплату в 100 рублей. Губенко и Славина были лидерами Театра на Таганке, и я понял, что если попал в

«Любимов на меня не обижается»

- Валерий Сергеевич, если не возражаете, поговорим о ваших дневниках. Вот вы говорите: мечтал работать в театре Любимова. А сколько нелицеприятных слов в адрес «шефа» в том же «Таганском дневнике»? Вы же пишете: «Ненавижу. Всех ненавижу. Ненавижу Любимова, который что-то почувствовал звериным своим чутьем. Решил приблизить меня к себе...» Или - в другом месте: «При Эфросе живет спокойно и благобно, тебя не обижают, над тобой не смеются, не унижают тебя, не хамят тебе, чего в избытке мы слышали от Любимова...» Как Юрий Петрович отреагировал на публикации дневников, вам известно? Не сторонятся ли вас коллеги? Нет ли опасности остаться в гордом одиночестве?

- Такой опасности нет, но, наверное, я потерял кого-то из тех, кого считал своими друзьями. И уж наверняка у людей, работающих со мной, появилась осторожность - как к человеку, который все фиксирует и все записывает. Любимов все знает. Ему и цитировали, и читали. Но, кстати говоря, Юрий Петрович очень уважительно относится к моему этому занятию. Я понимаю, что, конечно, ему многое неприятно из того, что я написал о нем. Он даже, может быть, раздражен чем-то, но у него есть высшее понимание происходящего.

Дело в том, что дневник надо уметь читать. Дневник - это прежде всего лаборатория твоей души. В него ты выплескиваешь то, что в тебе накопилось, и при этом особо не задумываешься, что и когда будет напечатано и кем прочитано. Вы умышленно процитировали только негатив про Любимова, будто бы на других страницах у меня не написано о нем совершенно противоположное. И никаких противоречий в этом нет. Так устроен человек. Сегодня он думает так, завтра - иначе. Дневник тем и ценен, что фиксирует моменты.

Для человека, серьезно интересующегося творчеством и личностью Высоцкого, Эфроса, Любимова, Таганкой, мои дневники могут оказаться ценными именно как сиюминутные откровения.

Владимир ЖЕЛТОВ

6.05.2004
Золотухин Валерий